

УДК 172.1+321

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-27-32

Андрей Александрович Обухов¹,

кандидат экономических наук,
Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1),
e-mail: a.obukhov@nsu.ru
orcid: 0000-0002-8822-7909

Наталья Александровна Языкова²,

научный сотрудник,
Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1),
e-mail: issc_natalia@nsu.ru
orcid: 0000-0001-6487-3191

Контекстный подход к объяснению дифференцированного восприятия государства в различных социумах

Одной из традиционных проблем анализа государственности является вопрос о восприятии её обществом и поиске наиболее значимой её характеризующей особенности. В веберийской социологической традиции ведущей функцией государства признаётся применение легитимного насилия, сторонники либертарианского подхода настаивают на необходимости ограничения функций государства предоставлением общественных благ путём перераспределения финансов, собираемых в форме налогов. Методологическую основу представленной статьи составляют с одной стороны «понимающая социология» и теория социального действия Макса Вебера, с другой – работы по либертарианской социальной модели Мюррея Ротбарда и Роберта Нозика, а также теория межкультурной коммуникации Эдварда Холла. Цель работы – содержательно объяснить причины различного восприятия разными культурами ведущей функции государства, опираясь на различия веберийского и либертарианского подходов. На наш взгляд, ключевым фактором, определяющим отношение социума к государству, является контекстность по классификации Э. Холла. Мы полагаем, что высококонтекстные культуры склонны видеть в государстве в первую очередь актора легитимного насилия, в то время как низкоконтекстные культуры акцентируют внимание на социально значимых функциях государства, таких как предоставление общественных благ.

Ключевые слова: высококонтекстные и низкоконтекстные культуры, государство, общественные блага, монополия на насилие, Э. Холл

Введение. Вопросы изучения отношений между обществом и государством являются одним из классических предметов исследования в области социальной философии. Традиционным подходом в данном случае может считаться взгляд М. Вебера, полагающего, что поскольку невозможно определить государство через его цели, то наиболее естественным будет его описание с позиции используемых средств, главным из которых, отличающим государство от всех остальных акторов, будет являться «легитимное право на применение насилия» [1, с. 54].

Иной точки зрения придерживаются представители либертарианского дискурса, отрицающие правомочность «любых общественных отношений, основанных на насилие» [8, с. 97]. В рамках данной онтологии

государству может быть отведена лишь функция по перераспределению финансов, аккумулированных посредством налогообложения, для создания общественных благ. При этом авторы понимают, что классическое веберийство, как и либертарианство – есть предельные взгляды, встречающиеся в «чистом» виде достаточно редко. Вместе с тем для наглядности противопоставления были взяты именно они, а не любой из «палитры» промежуточных теорий. На наш взгляд, различие в понимании ведущей функции государства в веберийском и либертарианском дискурсах можно описать, опираясь на теорию контекстов Э. Холла [10]. Представляется, что фактором, определяющим восприятие государства в социуме как актора легитимного насилия либо как «слуг народа», призван-

¹ А. А. Обухов – основной автор, проводит сравнительный анализ веберийского и либертарианского социологического подходов к восприятию государства, осуществляет обоснование дифференций в различных культурах.

² Н. А. Языкова использует теорию контекстов Э. Холла для объяснения различий веберийского и либертарианского социологического подходов к восприятию государства.

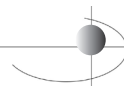
ных обеспечивать его общественными благами, зависит от того, к какому типу культуры по классификации Э. Холла относится тот или иной социум – низкоконтекстному, где информация полностью или почти полностью заложена в речевую составляющую, или высококонтекстному, где передаваемая информация «остаётся частично недосказанной, будучи заложеной в самой культуре» [10, с. 107].

Наш тезис заключается в том, что для высококонтекстных культур характерно отношение к государству в первую очередь как к элементу общества, обладающему монополией на законное применение насилия, в то время как низкоконтекстные культуры более склонны воспринимать государство как поставщика общественных благ, что позволяет содержательно объяснить, например, отклонения от нормативного отношения к роли государства, принятого в западной культуре, что продемонстрировано в рамках Стэнфордского эксперимента [11]. Учёт контекстности культур позволяет преодолеть теоретические проблемы, возникающие вокруг использования теории социальной эволюции и типов лидерства, выделенных М. Вебером на основе выдвинутого им определения государства.

Методология и методы исследования. М. Вебер, анализируя возможные способы определения государства, указывает, что каждая конкретная функция государства на разных исторических этапах и в разных пространственных условиях достаточно специфична, что не позволяет определить государство в терминах его целей и задач [1; 3; 6]. Отталкиваясь от этого тезиса, он предлагает обратный ход, когда попытка определить государство осуществляется через используемые им средства. В частности, М. Вебер утверждает, что «современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определённой сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства, и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по своему произволу, экспроприировал, а сам занял вместо них самые высшие позиции» [1, с. 187]. Государство в рамках веберовского подхода видится в качестве доминирующего над обществом субъекта, который обладает исключительным правом на насилие.

Принципиально иную картину представляет собой понимание государства в рамках либертарианской парадигмы. Базовым постулатом либертарианского подхода является разделение всех общественных отношений на два типа: основанные на насилии и не связанные с ним [9]. При этом постулируется необходимость максимального упразднения всех форм насильственных общественных отношений. Этот тезис может быть зафиксирован в двух формах: сильной и слабой [7; 8]. В первом варианте, называемом «анархо-капитализмом», предполагается полный отказ от такого рода отношений, включая налогообложение, антимонопольное регулирование, а также организацию деятельности армии и правоохранительных органов. В смягчённом варианте, именуемом «минархизмом», существование государства признаётся неизбежным, но его деятельность ограничивается перераспределением финансовых потоков, обеспечением безопасности жизни и здоровья граждан, а также защитой частной собственности и рыночных институтов [5]. В этих условиях целью провозглашается «минимизация насилия в общественных отношениях» [14, с. 45].

Мы полагаем, что «анархо-капитализм» не является реалистичным и утопическим взглядом, поскольку психология взаимоотношений между индивидами неизбежно приводит к различного рода конфликтам, которые зачастую выливаются в агрессию и насилие. Предотвращение этого насилия должно быть возложено на некий институт, который вынужденно должен будет применять насилие для предотвращения эскалации конфликта. Подход «минархистов» представляется более взвешенным, причём важно отметить, что при этом, по сути, роль государства можно свести к созданию общественных благ и обеспечению ими социума. Согласно классическому определению из курса микроэкономики, под общественными благами подразумеваются «товары и услуги, приносящие пользу обществу или индивидам, к которым не применим принцип исключения (нельзя ограничить право отдельных индивидов на пользование благом), а их производство обеспечивается, как правило, государством» [13, с. 462]. Благ, полностью соответствующих данному определению, достаточно немного (каноничным примером может считаться маяк, установленный в море, светом которого могут воспользоваться все моряки, находящиеся в зоне видимости), поэтому, как правило, речь идёт об условно общественных благах. Например,

дорогу можно сделать платной, лимитировать право проезда по ней, можно ограничить право проезда на общественном транспорте, однако всё равно эти блага обладают значительными признаками общественных.

В отличие от веберовского и либертарианского подходов, рассматривающих природу и ведущую функцию государства, тезис Э. Холла заключается в том, что коммуникативные системы наполнены «неявными, скрытыми правилами, необходимыми для выстраивания взаимопонимания между индивидами и успешной коммуникации между ними» [10, с. 118]. При этом значимость контекста в коммуникации может быть весьма различной. По этому признаку Э. Холл делит культуры на высококонтекстные и низкоконтекстные. Ярким примером высококонтекстной культуры, по мнению Э. Холла, может служить Китай, о котором он пишет: «Письменная речь этой страны с многовековой историей практически не претерпела изменений за последние три тысячелетия. Эта письменность является объединяющей силой, связывающей полмиллиарда китайцев, корейцев, японцев и даже вьетнамцев, говорящих по-китайски. Как только заглядываешь в китайский словарь, появляется необходимость в знании контекста. Для того чтобы найти нужное слово, читатель должен быть знаком с историей Китая, знать происхождение 214 иероглифических ключей» [Там же, с. 132]. Другим примером высококонтекстного характера китайской культуры может служить повышенный уровень церемониальности и следования этикету при проведении деловых переговоров, где даже цвет папки, в которой подаётся документ для подписания, имеет значение, и может быть, как торжественным, так и оскорбительным. В целом к высококонтекстным культурам в теории кросс-культурных коммуникаций принято относить страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Корея и др.), а также страны Ближнего Востока (Иран, ОАЭ, Сирия и др.). К низкоконтекстным культурам, в которых знание контекста не столь принципиально для понимания собеседника, как правило, относят США, страны Западной Европы, а также Скандинавские страны.

Результаты исследования и их об-суждение. При рассмотрении особенностей влияния на восприятие обществом государства того, к какому типу оно может быть отнесено по классификации Э. Холла, необходимо отметить, что в высококонтекстном обществе взаимоотношения между представителем властных структур и иными членами

общества строятся не по принципу межличностных, а формируются скорее как отношения между социальными ролями: «начальник – подчинённый», «чиновник – проситель», «полицейский – нарушитель». Это приводит к формированию комплексного восприятия власти как доминирующего актора, который в первую очередь призван «вершить судьбы», то есть осуществлять легитимизированное насилие. Напротив, в низкоконтекстных культурах, когда контакты между людьми строятся по межличностному принципу, а влияние контекста незначительно, то при взаимодействии с представителями властных структур государство воспринимается как «поставщик общественных благ», который финансируется налогоплательщиками и работает для их блага. Это формирует скорее либертарианское отношение к государству.

В качестве примера рассмотрим «Стэнфордский тюремный эксперимент» [11], в ходе которого было выявлено нетипично агрессивное поведение лиц, принадлежащих к низкоконтекстной культуре, при принятии на себя социальной роли представителя власти. Данное исследование было проведено в 1971 году психологом Филиппом Зимбардо, и ставило своей целью изучение с одной стороны реакции человека на ограничение свободы, а с другой стороны влияние на поведение человека навязанной ему социальной роли. Двадцать четыре человека (преимущественно студенты колледжей, представители среднего класса), согласившиеся добровольно участвовать в эксперименте, были разделены на две группы – «охранников» и «заключённых», после чего помещены в специально оборудованной в подвале факультета «тюрьме». В результате эксперимент уже на вторые сутки фактически вышел из-под контроля, студенты, выполнявшие функции «охранников» стали допускать жестокие и даже садистские проявления в отношении «заключённых», стремились унижить их и подавить волю. В ответ «заключённые» несколько раз поднимали «бунт», оказывали ожесточённое сопротивление, а некоторые доходили до состояния психозов и нервных срывов.

На первый взгляд, поведение участников эксперимента не поддаётся логическому объяснению. Получив минимальную, даже в каком-то смысле иллюзорную власть на других участниками эксперимента, «тюремщики», полностью приняли на себя роль исполнителей «легитимного насилия», что полностью расходится с либертарианскими установками американского общества, кото-

рые должны были сформироваться к студенческому возрасту у участников эксперимента. Таким образом, классическое разделение на веберовское и либертарианское восприятие власти не даёт нам адекватного объяснения поведению участников «Стэнфордского эксперимента».

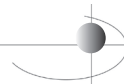
Обратимся к нашему предположению о влиянии контекстности культуры по Э. Холлу на восприятие власти. Несмотря на то, что молодые американские представители среднего класса должны по классификации Э. Холла относиться к представителям низкоконтекстной культуры, в данном случае определяющее значение имеет ситуация, в которую они были искусственно помещены. Нахождение в непривычной, психотравмирующей ситуации отодвинуло сформированные ценностные установки на второй план и сделало определяющим в поведении стереотипы относительно выполняемой социальной роли, то есть контекст. Таким образом, в данной локальной ситуации можно рассматривать группу участвовавших в эксперименте людей как искусственно сформированное высококонтекстное сообщество. Тогда, согласно нашему исходному предположению, они должны были воспринимать власть (в том числе власть «охранников» над «заключёнными») с позиций легитимного насилия, что и было продемонстрировано в ходе эксперимента. Этот феномен не может быть объяснён с точки зрения противопоставления либертарианского и веберовского подходов, однако учёт контекстности ситуации позволяет преодолеть возникающее мнимое противоречие.

Приведём ещё один пример, иллюстрирующий преимущества концепции Э. Холла. Опираясь на приведённое определение «ключевая функция», М. Вебер выделяет три типа власти, сменяющих друг друга по эволюционному принципу: «Во-первых, это авторитет “вечно вчерашнего”: авторитет нравов, освящённых исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – “традиционное” господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выда-

ющийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу “легальности”, в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой “компетентности”, обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный “государственный служащий” и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении» [1, с. 7]. Этим трём типам власти будут соответствовать три типа политического лидерства: а) традиционный (основанный на обычаях и устоявшемся порядке); б) харизматический (основанный на личной эмоциональной силе лидера, его харизме и влиянии на социум); в) рационально-легальный (основанный на понимании необходимости подчинения властным институтам).

Согласно выдвинутой М. Вебером теории рационализации, в ходе развития общества неизбежно происходит эволюция властных отношений в нём, что приводит к доминированию рационально-легального типа власти [1; 2]. На наш взгляд, указанный подход испытывает определённые затруднения с объяснением периодических ситуаций, когда в современных государствах с развитой политической системой к власти приходят лидеры «харизматического» типа.

В качестве такого лидера «харизматического» типа можно привести пример Уго Чавеса – президента Венесуэлы в период с 2002 по 2013 год. Важно отметить, что, несмотря на некоторый скепсис, демонстрируемый по отношению к данному политическому лидеру либеральной общественностью, приход к власти У. Чавеса произошёл не силовым путём, а в ходе демократических выборов, после чего он до самой своей смерти удерживал безоговорочное лидерство в политической сфере страны [4]. Этому способствовала уникальная личная харизма У. Чавеса, что отмечалось даже негативно настроенными по отношению к нему, в первую очередь, западными авторами. Так, например, американский писатель Пол Берман в 1999 году после интервью с У. Чавесом отмечал, что тот «радиоактивен, и у него раз в 10 больше энергии, чем у нормальных людей... Такие люди не ощущают себя человеческими существами, а ощущают богами» [12, с. 10]. Более того, по данным социологических опросов, на текущий момент рейтинг одобрения У. Чавеса остаётся крайне высоким (более 50 % населения, против 20 % у действующего президента Н. Мадуро) [4,

с. 120], что дополнительно подтверждает его принадлежность именно к харизматическому типу лидерства.

Теория рационализации М. Вебера, на наш взгляд, не вполне объясняет, почему в современном развитом демократическом обществе, каким является Республика Венесуэла, власть строится не по рационально-легальному типу, а по принципу харизматического лидерства. На наш взгляд, именно то, что жителей Венесуэлы можно рассматривать как носителей высококонтекстной культуры [15], может служить объяснением тому факту, что именно «харизматический» лидер длительное время удерживал власть в стране.

Выводы. Таким образом, учёт влияния контекстности культур по Э. Холлу позволяет содержательно объяснять расхождения в поведении конкретных людей, являющихся носителями той или иной культуры с прогнозируемыми моделями поведения, вытекающими из свойственных им социальных доминант.

Конкретными эвристиками, подтверждающими данный тезис, могут служить социокультурный анализ результатов «Стэнфордского эксперимента», а также исследования причин «харизматического лидерства», свойственного политическим системам некоторых современных государств.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол Классик, 2018. 292 с.
2. Гениндоржиева Д. Б. Концепция харизмы Макса Вебера // Вестник БГУ. 2013. № 5. С. 131–135.
3. Комаровский А. В. Культурсоциология Макса Вебера // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 379–407.
4. Корольков А. В., Русакова Т. Ю. Харизматическое лидерство, как фактор власти в Венесуэле // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 120–137.
5. Павкин Л. М. Либертарианство: принципы, теория, оценка // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 27–33.
6. Писарчик Л. Ю. Философия культуры М. Вебера // Вестник ОГУ. 2010. № 1. С. 35–45.
7. Поляков Д. Б. Анархо-капитализм. Безвластие и экономика свободного рынка // Учёные записки ЗабГУ. Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. 2015. № 4. С. 33–38.
8. Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест. М.: Новое изд-во, 2009. 398 с.
9. Bergland D. Libertarianism in One Lesson. London: Orpheus Publications, 1997. 158 p.
10. Hall E. T. Beyond Culture. Anchor Books, 1989. 298 p.
11. Haney C., Banks, C., Zimbardo, P. Interpersonal dynamics in a simulated prison // International Journal of Criminology & Penology. 1973. Vol. 1. Pp. 69–97.
12. Krauze E. El poder y el delirio. México: Tusquets Editores, 2008. 372 p.
13. McConnell C. R., Brue S. L., Flynn S. M. Economics: Principles, Problems, and Policies. McGraw-Hill Education, 2011. 996 p.
14. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books, 2013. 400 p.
15. Ronen S., Shenkar O. Clustering Countries on Attitudinal Dimensions: A Review and Synthesis // Academy of Management Review. 1985. Vol. 10. Pp. 435–454.

Статья поступила в редакцию 21.01.2019; принята к публикации 22.02.2019

Библиографическое описание статьи

Обухов А. А., Языкова Н. А. Контекстный подход к объяснению дифференцированного восприятия государства в различных социумах // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 27–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-27-32.

Andrey A. Obukhov¹,
Candidate of Economics,
Novosibirsk State University
(1 Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russia),
e-mail: a.obukhov@nsu.ru
orcid: 0000-0002-8822-7909

Natalia A. Yazykova²,
Researcher,
Novosibirsk State University,
1 Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
e-mail: issc_natalia@nsu.ru
orcid: 0000-0001-6487-3191

Context Approach to Explaining the Differentiated Perception of the State in Various Societies

One of the traditional problems of the analysis of statehood is the question of its perception by society and the search for its most significant characteristic features. In the Weberian sociological tradition, the state is associated with the notion of legitimized violence, advocates of the libertarian approach insist on the need to limit the functions of the state by providing public goods by redistributing finance collected in the form of taxes. The aim of the work is to explain in detail the reasons for different perception by different cultures of the leading function of the state. We suppose that the key factor determining the attitude of society to the state is its context according to E. Hall's classification. High-context cultures tend to see in the state, first of all an actor of legitimized violence, while low-context cultures emphasize socially significant functions of the state, such as the provision of public goods.

Keywords: high-context and low-context cultures, state, public goods, monopoly on violence, E. Hall

References

1. Weber M. Politics as a Vocation. Moscow: Ripol Classic, 2018. (In Rus.)
2. Genindorzhieva, D. B. The concept of charisma by Max Weber. Vestnik BGU. Obrazovaniye. Lichnost'. Obshchestvo, no. 5, pp.131–135, 2013. (In Rus.)
3. Komarovskiy, A. V. Cultural sociology by Max Weber // Sotsiologicheskij al'manakh, no. 3, pp. 379–407, 2012. (In Rus.)
4. Korolkov, A. V., Rusakova T. Yu. Charismatic leadership as a factor of power in Venezuela. Kontury globalnyh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo, vol. 10, no. 6, pp. 120–137, 2017. (In Rus.)
5. Pavkin, L. M. Libertarianism: principles, theory, evaluation. Severo-Kavkazskiy yuridicheskij vestnik, no. 1, pp. 27–33, 2014. (In Rus.)
6. Pisarchik, L. Yu. Philosophy of culture by M. Weber. Vestnik OGU, no. 1, vol. 107, pp. 35–45, 2010. (In Rus.)
7. Polyakov, D. B. Anarcho-capitalism. Powerlessness and Economics of Free Market. Uchenyye zapiski ZabGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota, no. 4, vol. 63, pp. 33–38, 2015. (In Rus.)
8. Rothbard, M. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2009. (In Rus.)
9. Bergland, D. Libertarianism in One Lesson. London: Orpheus Publications, 1997. (In Engl.)
10. Hall E. Beyond Culture. Anchor Books, 1989. (in Engl.)
11. Haney C., Banks C., Zimbardo P. Interpersonal dynamics in a simulated prison. International Journal of Criminology & Penology, no. 1, vol. 1, pp. 69–97, 1973. (In Engl.)
12. Krauze, E. El poder y el delirio. México: Tusquets Editores, 2008. (In Spanish)
13. McConnell, C., Brue, S., Flynn, S. Economics: Principles, Problems, and Policies. McGraw-Hill Education, 2011. (In Engl.)
14. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books, 2013. (In Engl.)
15. Ronen, S., Shenkar, O. Clustering Countries on Attitudinal Dimensions: A Review and Synthesis. Academy of Management Review, vol. 10, no. 3, pp. 435–454, 1985. (In Engl.)

Received: January 21, 2019; accepted for publication February 22, 2019

Reference to the article

Obukhov A. A., Yazykova N. A. Context Approach to Explaining the Differentiated Perception of the State in Various Societies // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 27–32. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-27-32.

¹ A. A. Obukhov: the main author, who makes a comparative analysis of Weberian and libertarian sociological approaches to the perception of the state and justifies differences in different cultures.

² N. A. Yazykova uses E. Hall's theory of contexts to explain the differences between Weberian and libertarian sociological approaches to the perception of the state.